

Ушакова Е. В. Двойничество в романе М. Спарк «Пособники и подстрекатели» / Е. В. Ушакова // Научный диалог. — 2021. — № 6. — С. 267—279. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-267-279.

Ushakova, E. V. (2021). Duplicity in Novel by M. Spark “Aiding and Abetting”. *Nauchnyi dialog*, 6: 267-279. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-267-279. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-267-279

Двойничество в романе М. Спарк «Пособники и подстрекатели»

Ушакова Елена Вячеславовна
orcid.org/0000-0002-7235-3126
кандидат филологических наук, доцент
ushakova@mail.ru

Московский финансово-промышленный
университет «Синергия»
(Москва, Россия)

Duplicity in Novel by M. Spark “Aiding and Abetting”

Elena V. Ushakova
orcid.org/0000-0002-7235-3126
PhD in Philology, Associate Professor
ushakova@mail.ru

Moscow University
for Industry and Finance “Synergy”
(Moscow, Russia)

© Ушакова Е. В., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Выявляется специфика функционирования феномена двойничества в романе английской писательницы М. Спарк «Пособники и подстрекатели» (2000). Научная новизна состоит в том, что данное произведение впервые рассматривается в этом ракурсе. Представлен обзор ряда существующих подходов к феномену двойничества в современном литературоведении. Автор анализирует пары главных героев романа, которые являются двойниками, раскрывающимися в сходных ситуациях, связанными с темами мошенничества, преступления. Показано, что в романе «Пособники и подстрекатели» персонажи выполняют роли как антагонистов, так и карнавальных двойников. Особое внимание уделяется присущему творчеству М. Спарк сочетанию в произведениях сатирической направленности и постмодернистской игры, находящей отражение в смене повествовательной перспективы, многозначности и неопределенности финала. Раскрывается смысл названия произведения в контексте реализации мотива двойничества, выявляются основные нравственные проблемы, поставленные в романе. Автор приходит к выводу, что посредством использования двойников Спарк описывает пороки общества и моральную деградацию человека.

Ключевые слова:

двойничество; М. Спарк; сатира; постмодернизм.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article reveals the specifics of the functioning of the phenomenon of duplicity in the novel by the English writer M. Spark "Aiding and Abetting" (2000). The scientific novelty lies in the fact that this work is viewed from this angle for the first time. An overview of a number of existing approaches to the phenomenon of duality in modern literary criticism is presented. The author analyzes pairs of the main characters of the novel, who are doubles, revealed in similar situations related to the themes of fraud and crime. It is shown that in the novel "Aiding and Abetting" the characters play the roles of both antagonists and carnival counterparts. Particular attention is paid to the combination inherent in M. Spark's work in the works of satirical orientation and postmodern play, which is reflected in the change of the narrative perspective, ambiguity and uncertainty of the finale. The meaning of the title of the work is revealed in the context of the realization of the motive of duality, the main moral problems posed in the novel are revealed. The author comes to the conclusion that through the use of doubles, Spark describes the vices of society and the moral degradation of a person.

Key words:

duplicity; Muriel Spark; satire; postmodernism.

Двойничество в романе М. Спарк «Пособники и подстрекатели»

© Ушакова Е. В., 2021

1. Введение

Концепция двойничества разрабатывалась многими исследователями на протяжении нескольких столетий. Это многоаспектное явление, требующее переосмысления на каждом историческом этапе, так как возможны новые открытия его нюансов, соответствующих той или иной культурной парадигме или же исследовательскому подходу.

О. М. Фрейденберг рассматривает реализацию мотива двойничества в древнегреческих мифах, связывая его с архаическим двоemiрием, принципом бинарности, в частности, проявляющимся в делении на пространство жизни и смерти: «Прохождение героев (в оригинале так. — Е. У.) фазы смерти и позднейшее отделение этой второй временной функции породило образ двойника, который получил мощный отклик в обряде, сказании и литературе. Сперва герой двоичен; затем его вторая часть, брат или друг, становится самостоятельной» [Фрейденберг, 1997, с. 210] Двойничество в общем смысле представляет собой древний феномен и «находит свое воплощение в конкретных моделях языка культуры от архаического мифа и ритуала до стереотипов современного сознания, которые воплощаются в различных дискурсивных практиках, где бинарная картина мира опосредуется идеологическим, политическим, художественным или иным контекстом» [Агранович и др., 2014, с. 9].

Идеи двойничества и собственно образа двойника активно проявились в романтической литературе: «*doppelganger*» присутствует в произведениях романтиков: Жан-Поля, Э. Т. А. Гофмана, А. Шамиссо, Э. По. Мотив двойничества, связанный с концепцией двоemiрия, подробно анализирует Н. Берковский, отмечая особую функцию двойника, которого он называет «подтекстовым человеком»: «Подтекстовый человек не только просвечивает сквозь человека, каким он дан в тексте, но вылезает наружу и занимает место рядом со своим подлинником, становится тоже действующим лицом и даже состязается с тем и смещает того, кому он вначале был обязан своим существованием» [Берковский, 2001, с. 476]. Часто это второе, темное «я» героя, воплощение скрытой части его сознания, которое начинает вести свою особую жизнь. Так происходит и в романах писателей второй половины XIX века Р. Л. Стивенсона «Странная история доктора Джекила и

мистера Хайда», О. Уайльда «Портрет Дориана Грея», Ф. М. Достоевского «Двойник», «Братья Карамазовы» и других.

Важную роль в осмыслении темы двойничества сыграла диалогическая концепция М. М. Бахтина: «It is very significant that Bakhtin's dialogical concept, through the prism of which the scientist analyzed the phenomenon of dualism, had a noticeable influence on subsequent interpretations of the twin myths and was perceived by modern researchers» [The Duality Phenomenon ..., 2019, p. 186] (Весьма показательно, что диалогическая концепция Бахтина, через призму которой ученый анализировал феномен двойничества, оказала заметное влияние на последующие интерпретации близнецных мифов и была воспринята современными исследователями). Исследователь связал появление двойников с природой карнавального смеха, выявил типы пародирующих двойников, которые особенно часто встречаются в произведениях Ф. М. Достоевского [Бахтин, 1986].

Опираясь на концепцию М. Бахтина, С. Агранович и И. Саморукова определяют двойничество в широком смысле как языковую структуру, «в которой образ человека корректируется одним из исторических вариантов бинарной модели мира» [Агранович и др., 2001, с. 4], а также выявляют особенности двойничества как элемента поэтики, представив классификацию типов двойников: антагонисты (их отношения основаны на конкуренции и противоборстве), карнавальные пары (взаимозамещающие и взаимодополняющие друг друга), близнецы (внешне конфликтующие, но конфликт этот мнимый) [Агранович и др., 2001].

Это явление довольно часто обнаруживается не только в современной литературе, но и в кинематографе [Shiloh, 2011], поскольку одним из распространенных сюжетных ходов является раскрытие или обнаружение истинной личности преступника (романы Ч. Паланика «Бойцовский клуб» и его экранизация, художественные фильмы «Помни» (2000), «Идентификация» (2004)).

Во второй половине XX века появляется постмодернистская концепция, которая по-иному раскрывает феномен двойничества, указывая на его ироническую, игровую составляющую как отражение представлений о неопределенности мира и утраты идентичности личностью [Slethaug, 2003]. Постмодернистская трактовка двойничества «подтверждает расщепление знака, расщепление "я" и расщепление текста» [Джумайло, 2010, с. 164]. Однако, подчеркивает В. Г. Новикова, и в литературе периода «расцвета постмодернистской чувствительности», возведшей децентризм в некий культ, и в настоящее время в литературном процессе обнаруживаются произведения с отчетливо выраженной аксиологической бинарной оппозицией» [Новикова, 2019, с. 166].

Феномен двойничества в литературе рассматривается исследователями достаточно широко: выявляются различные варианты его проявления (раздвоение сознания героя, противопоставление персонажей, обладающих внутренним и / или внешним сходством, множественность личности, смена идентичности, двойная жизнь персонажа и т. д.). Он также связан с категориями маски и зеркала и их представлением в художественном тексте. Как указывает О. Ю. Осьмухина, анализируя осмысление этого явления М. Бахтиным, «феномен зеркала здесь непосредственно связывается с категориями “другого” (выступающего фактически в качестве “я-двойника” и превращающего “других” в объекты собственного видения), “внеаходимости”, “самообъективации”, которые впоследствии станут доминантными в диалогической концепции ученого» [Осьмухина, 2008].

Изучение феномена двойничества является актуальным для современного литературоведения. Возможны разные подходы к определению данного явления: от широкого культурологического до более узкого литературоведческого, основанного на анализе двойничества как элемента поэтики произведения («Двойничество в литературе — это важный элемент поэтики» [Агранович и др., 2001, с. 4]), которым мы будем руководствоваться в нашем исследовании.

Тема двойничества по-разному реализуется в английской литературе XX — начала XXI веков и интерпретируется исследователями: она может быть представлена как ресурс постмодернистской исповедальности [Джумайло, 2010], возврат к классической рациональности, бинарному архетипу [Новикова, 2019] или же «трагедия человека в постмодернистском мире» [Лунина, 2010, с. 885].

Целью данной статьи является рассмотрение особенности функционирования мотива двойничества в одном из последних романов английской писательницы М. Спарк «Пособники и подстрекатели» (*Aiding and Abetting*, 2000), в чьем творчестве своеобразно переплетены постмодернистская игра и сатирическая направленность. На сатиру как определяющий модус творчества Спарк («satire as her dominant mode» [Gregson, 2005, p. 2]), указывают ряд исследователей: М. В. Шлянникова, И. Грегсон, Д. Милн [Шлянникова, 2005; Gregson, 2005; Miln, 2010]. Однако важно учитывать, что в сатирической прозе могут быть использованы и «постреалистические приемы», к которым С. М. Коновалов относит «эклектичность, интертекстуальность, часто связанную с пародированием, игру с читателем, прием смены рассказчика, прием *readymade* и др.» [Коновалов, 2020, с. 33].

Феномен двойничества играет важную роль и в сатирической литературе, выполняя особую функцию иронического дублирования. При этом

автор отходит от прямого осуждения, позиция его часто скрыта, а образы двойников, как бы отражаясь друг в друге, помогают раскрыть идею произведения, отразить существующие пороки человека и общества.

2. Герои-двойники в романе М. Спарк «Пособники и подстрекатели»

Можно выделить следующие формы двойничества: основанные на удвоении, дублировании, появлении схожих персонажей, и представляющие раздвоенное сознание, то есть опирающиеся на утрату цельности героем. На наш взгляд, художественное пространство романа «Пособники и подстрекатели» (2000) М. Спарк населяют в основном герои-двойники первого типа. Причем часто создание своего двойника — это инициатива самого персонажа, извлекающего определенную выгоду из такого двойственного положения. На первых же страницах читатель знакомится с психотерапевтом Хильдегард Вольф, использующей необычную методику работы с пациентами: она не выслушивала их, а, наоборот, рассказывала о своей жизни. Так в романе работает прием зеркального отражения: пациент и психотерапевт как бы меняются местами, становятся двойниками друг друга, когда сложно сказать, какую роль играет каждый. Более того, как выясняется, героиня была мошенницей, скрывающей свою истинную личность под новой маской. А известна она была как лжестигматик из Мюнхена Беата Паппенхайм, так как ей удалось ввести многих людей в заблуждение, создавая иллюзию своей святости. Опасаясь разоблачения, героиня была вынуждена создать себе новую личность — доктора Хильдегард Вольф.

Обратимся к именам персонажа: они не случайно выбраны автором. Дело в том, что Берта Паппенгейм была известной пациенткой З. Фрейда, процесс лечения которой как случай Анны О. описан им в работе «Очерках об истерии» (1885). Фамилия, которую она себе берет впоследствии, Вольф, тоже ироническая отсылка к наследию австрийского психоаналитика, поскольку в исследовании «Из истории одного детского невроза» З. Фрейд называет пациента *человек-волк*, анализируя особенности его болезни. Опять возникает мотив зеркального отражения: психотерапевт — пациент, так как имя героини связано с историями больных. И парадоксальное поведение ее как врача-психолога, который не слушает истории пациентов, а рассказывает свои, и аллюзия, заключенная в настоящем и вымышленном именах, — все эти игровые детали оказываются связаны с мотивом двойничества.

К доктору Вольф (она же Беата Паппенхайм) на прием приходят два внешне очень похожих пациента, каждый из которых может оказаться лордом Луканом. Так, вымышленная история мошенничества Вольф смыка-

ется с криминальной историей убийства, действительно произошедшего в Англии.

В 1974 году британского лорда Лукана обвинили в убийстве няни его детей и покушении на бывшую жену. Этот сюжет до сих пор продолжает привлекать внимание писателей, поскольку сбежавший подозреваемый так и не найден, не была разгадана тайна его исчезновения. В произведениях, опубликованных уже после выхода в свет романа М. Спарк, — романах Х. Роуз «Человек-бабочка» (*The Butterfly Man*, 2005), Ф. Берри «Двойная жизнь» (*A Double Life*, 2018) — художественно переосмысливается одно из самых известных преступлений XX века. У каждого из авторов возникает своя версия произошедшего.

М. Спарк показывает Лукана как жестокого и хладнокровного убийцу, пользующегося своим высоким положением в обществе и связями с пособниками и подстрекателями для того, чтобы избежать наказания. Автор руководствуется предположением о том, что случилось с лордом спустя двадцать пять лет со дня убийства. По версии писательницы, друзья помогли Лукану бежать из страны и начать тайную жизнь за границей.

Именно Лукан, а также его двойник Уокер становятся пациентами Хильдегард, причем каждый из них настаивает на том, что именно он — настоящий. Появление двойника аристократа рационально обосновано: так легче всего скрыться от полиции, причем вполне вероятно, что внимание привлечет не сам Счастливчик Лукан (или Лаки Лукан, как его называют), а нанятый им человек, играющий роль. Только вот определить, кто есть кто, не так просто: автор играет с читательскими ожиданиями. На первый взгляд, кажется, можно верить словам Уокера, когда он признается, что только исполняет роль преступника, но даже в финале произведения остается некоторый элемент сомнения: «The question of identity and of identification is quite slippery in this novel, and is repeatedly brought up in relation to Lucan, as well as other characters» [Kawamoto, 2008, p. 27] (Вопрос об идентичности и идентификации довольно неоднозначен в этом романе, и он неоднократно поднимается в связи с образом Лукана, а также других персонажей).

Итак, в самом начале романа возникают два типа героев-двойников: Беата Паппенхайм — Хильдегард Вольф и Лукан — Уокер. Между этими парами персонажей есть важное сходство: И Лукан — Уокер и Вольф — Паппенхайм стремятся скрыть свое криминальное прошлое, причем преступления, которые они совершили, можно назвать преступлениями крови: и в прямом, и в переносном смысле. Лукан, вспоминая об убийстве, постоянно упоминает кровь, которая была повсюду, и, узнав секрет Хильдегард, которая изображала ранее святую — стигматика, дает свой ком-

ментарий: «— Вы покрывали ладони, бок и ступни своей менструальной кровью, доктор Вольф. <...> Он произнес это почти доверительным тоном, словно желая сказать: мы вместе в этом кровавом бизнесе» [Спарк, 2004]. Сама Вольф также подчеркивает сходство ситуаций: «Меня разыскивают за мошенничество точно так же, как вас за убийство» [Спарк, 2004]. Двойники в романе Спарк, согласно классификации исследователей И. В. Саморуковой и С. З. Агранович, выступают и как конкурирующие антагонисты, с одной стороны, и как взаимодополняющие карнавальные пары [Агранович и др., 2001].

В романе автор показывает двойственность не только героев, но и ситуаций и мотивов действий персонажей. В частности, не совсем понятно, для чего к доктору обращаются Уокер и Лукан: чтобы шантажировать ее и получить деньги? или же им действительно нужна помощь психиатра? Читатель должен сам домыслить сюжет, выбрать ту возможность, которая ему представляется более реальной, однако сделать это не так просто, поскольку Спарк постоянно меняет угол зрения на события, повествовательный фокус смещается, так что не всегда сразу понятно, кто является рассказчиком в определенный момент, возникает эффект мультиперспективности. Более того, неоднородность и фрагментарность повествования подчеркивается включением в роман отрывков из газетных статей, расследований, причем в них фактическое и вымышленное переплетаются, происходит характерное для постмодернистской литературы намеренное размывание границ между фактом и вымыслом.

Само слово *двойник* несколько раз упоминается в тексте. Его произносят Лаки Лукан: «Мне так часто грозила опасность, особенно при получении денег, которые друзья предоставляли в мое распоряжение, что я решил найти двойника»; Лейси Туикнем, которая хочет написать о нем книгу (сама героиня может быть рассмотрена как двойник автора романа): «Не такой уж это человек, чтобы кто-то захотел стать его двойником»; а также сам повествователь в рассуждениях об Уокере: «Ему казалось, что он был идеальным *doppelganger* графа, его двойником, его вторым “я”» [Спарк, 2004]. То есть мотив двойничества акцентируется в самом тексте романа как один из наиболее значимых ключей к пониманию авторского замысла.

При всей схожести ситуаций и образов Хильдегард и Лукана нельзя не отметить существенные различия, касающиеся проблемы самоидентификации, обретения или даже изобретения своей личности. В этом смысле Вольф является женским двойником, дополняющим образ Лукана и одновременно противопоставленным ему. Она, решившись скрыться от возможных разоблачений, создает новую личность, причем настолько вживается в роль психотерапевта, что становится как будто другим человеком:

«Теперь она была готова поклясться, что Беата Паппенхейм из прошлого была совершенно “другим лицом”, не имевшим с ней ничего общего» [Спарк, 2004]. И впоследствии, спасаясь от шантажа Уокера-Лукана, она меняет внешность и начинает новый этап своей жизни, тогда как Лукан, несмотря на вероятные пластические операции, не может полностью измениться, так как нуждается в помощи своих пособников и подстрекателей, помогающих ему материально, и поэтому попадает в зависимость от своего двойника Уокера.

Мотив утраты идентичности и неопределенности реализован в романе в связи с парными персонажами Уокер — Лукан. Одна из версий происходящего предполагает, что оба пациента психотерапевта могут быть самозванцами, цель которых получать деньги от друзей-аристократов — пособников и подстрекателей: «Лукан — это же просто имя в газетах. Его, возможно, и в живых нет» [Спарк, 2004]. Действительно, даже в реальных заметках СМИ часто появлялась информация о похожих на Лукана людях в разных уголках земного шара, но, поскольку прошло уже более сорока лет со дня совершения преступления, узнать его было весьма затруднительно. В целом в романе раскрывается проблема узнавания в прямом и переносном смысле, ставится вопрос о границах познания и понимания.

3. Пособники и подстрекатели

Кто же такие пособники и подстрекатели? Почему так назван роман? По версии Спарк, именно друзья-аристократы помогли Лукану скрыться с места преступления и обосноваться за границей. Причем сделано это было не из личной симпатии, а из социальной солидарности: «Они, по-видимому, остались верны ему только из-за их общей социальной принадлежности. Я вижу совсем немного признаков того, что какие-то друзья, сообщники и подстрекатели Лукана хоть сколько-нибудь считались с Луканом как с человеком» [Спарк, 2004].

Спарк показывает, как классовые привилегии защищают виновных, неслучайно название книги связано именно с теми людьми, которые, по версии автора романа, помогли сбежать Лукану. «Дело в том, что он задавал тон, совершал поступки и жил так, как, он считал, положено жить и поступать людям его положения. Его кредо было: “Я — седьмой граф, я — аристократ, следовательно, могу поступать так, как мне нравится, и моя особа неприкосновенна”» [Спарк, 2004]. Высокомерие, жестокость и ограниченность аристократа-преступника проявляется в его высказываниях, которые кажутся абсурдными и нелепыми, так, вспоминая об убийстве няни, он замечает иронически: «Если бы это оказалась моя жена, крови бы

столько не было... Видимо, такая особенность присуща людям из низших слоев общества» [Спарк, 2004].

Сатирическое изображение псевдоаристократизма Лукана пронизывает роман, достигая апофеоза в неожиданном финале. Автор саркастически описывает влияние Лаки Лукан и Уокер на сыновей вождя (который также является пособником героя) африканского племени, в которое они попадают: «Трое сыновей вождя очень преуспели под их руководством. Они научились брать барьеры на лошадях, они, в лучших традициях джентльменов, научились жульничать при игре в покер и баккара» [Спарк, 2004]. Очередной сюжетный парадокс показывает, что, несмотря на высокомерие и снобизм, Лукан выбирает своим двойником простого слугу, который блестяще исполняет порученную ему роль: «...главными чертами их беглого родственника были “доблесть и честь”. На самом деле ни то, ни другое никак не соответствовало его истинным качествам, но Уокер, не принадлежащий к знати джентльмен-любитель, старательно копировал и выставлял напоказ именно эти воображаемые достоинства Лукана. Ему казалось, что он был идеальным *doppelganger* графа, его двойником, его вторым “я”» [Спарк, 2004.].

Так, сам Уокер становится одним из пособников преступника, о чем ему сообщает Хильдегард Вольф: «Уокер, если вы Лукан, то в таком случае вас разыскивает полиция по обвинению в убийстве и в покушении на убийство. Если же вы — двойник Лукана, то виновны в пособничестве и подстрекательстве преступника, который длительное время скрывается от правосудия» [Спарк, 2004.]. При этом Уокер настолько привыкает играть роль, что даже после смерти Лаки Лукана он возвращается к лицедейству, на этот раз более невинному, изображая Санта-Клауса: «Уокер думал о том, что большую часть жизни он только и делает, что изображает кого-то. Он был превосходным дворецким в Мексике, больше десяти лет играл роль Лаки Лукана в Центральной Африке, а недавно еще и в Париже, и вот теперь стал Санта-Клаусом в универмаге “Бон Марше”» [Спарк, 2004.].

4. Заключение

Художественное пространство романа наполнено парными персонажами-двойниками. Возникает целая цепь таких взаимных отражений: Бета Паппенхайм — Хильдегард Вольф; Уокер — Лаки Лукан; Лейси Туикнем — автор романа; а также другие безликие и многоликие пособники и подстрекатели. Двойничество персонажей носит подчеркнуто игровой ироничный характер, служит средством саморазоблачения героев. Писатель как будто «держит перед героями некое сатирическое зеркало, а сами герои сатирически отражаются в сознании друг друга» [Федяева, 2004, с. 204].

Абсурдный и гротескный финал романа, как и ряд его сюжетных ситуаций, содержит некоторую неопределенность: повествуется о том, что представители африканского племени съели настоящего Лукана, приняв за его двойника Уокера. Но читатель задается вопросом: действительно ли погиб настоящий лорд, или же опять произошла подмена, и преступнику удалось ускользнуть в очередной раз. Какой из двойников смог спастись от полиции и продолжать жить, избрав для себя новую маску?

Персонажи, сюжетные ситуации произведения отражаются как будто в сатирических кривых зеркалах, однако очертания этих отражений узнаваемы. И, хотя автор отстраняется, используя игровой постмодернистский инструментарий, этические дилеммы, связанные с моральной деградацией героев, органично вплетаются в повествование. В романе «Пособники и подстрекатели» представлено не явное расщепление личности под влиянием обстоятельств, не противоречия внутреннего мира, способствующие разделению страдающего сознания, а высокомерие и жестокость, самозванство и мошенничество, ведущие к созданию или реальных двойников, или новой личности. Очевидна ироническая направленность произведения, присущая и другим романам М. Спарк, в которых преобладает диалогическая сатира, предполагающая взаимное саморазоблачение героев при отсутствии ярко выраженной авторской оценки. Мотив двойничества, таким образом, связан с темами обмана, преступления и ответственности за пособничество, а также служит средством сатирического изображения проблем утраты нравственных ценностей и моральной деградации.

Источники и принятые сокращения

1. *Спарк М.* Передел. Пособники и подстрекатели [Электронный ресурс] / М. Спарк. — Москва, 2004. — 366 с. — Режим доступа : <https://www.litmir.me/br/?b=25504&p=1> (дата обращения: 28.04.2021).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Агранович С. З.* Двойничество / С. З. Агранович, И. В. Саморукова // Миф как объект и/или инструмент интерпретации : сборник научных статей. — Самара : Медиа-Книга, 2014.

2. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. — Москва : Искусство, 1986. — 445 с.

3. *Берковский Н. Я.* Романтизм в Германии / Н. Я. Берковский. — Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2001. — 512 с.

4. *Джумайло О. А.* Двойничество персонажей как ресурс постмодернистской исповедальности : роман Мартина Эмиса «Информация» / О. А. Джумайло // Вестник Пермского университета. Серия. Российская и зарубежная филология. — 2010. — № 6. — С. 163—171.

5. Коновалов С. М. О сатире / С. М. Коновалов // ART LOGOS. — 2020. — № 2. — С. 24—35.
6. Лунина В. Л. Тема двойничества (на материале романа Мартина Эмиса «Успех») / В. Л. Лунина // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2010. — № 4 (2). — С. 883—885.
7. Новикова В. Г. Бинарный архетип в романе Бена Элтона «Два брата» / В. Г. Новикова // Научный диалог. — 2019. — № 11. — С. 164—172. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-11-164-172.
8. Осьмухина О. Ю. Зеркало (зеркальность) [Электронный ресурс] / О. Ю. Осьмухина // Знание. Понимание. Умение. — 2008. — № 1 (2). — Режим доступа: [http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/1\(2\)/Osmukhina/](http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/1(2)/Osmukhina/) (дата обращения: 28.04.2021).
9. Федяева Т. А. Диалог и сатира: на материале русской и австрийской сатиры первой половины XX века : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Т. А. Федяева. — Москва, 2004. — 335 с.
10. Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра / О. М. Фрейденберг. — Москва : Лабиринт, 1997. — 448 с.
11. Шлянишникова М. В. Жанровая эволюция романов М. Спарк : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / М. А. Шлянишникова. — Казань, 2005. — 195 с.
12. Apostolou F. Seduction and Death in Muriel Spark's Fiction / F. Apostolou. — Connecticut, Lnd : Greenwood Press, 2001. — 121 p.
13. Gregson I. Muriel Spark's caricatural effects / I. Gregson // Essays in Criticism. — 2005. — Volume 55, January № 1. — P. 1—16.
14. Hynes J. The Art of the Real. Muriel Spark's novels / J. Hynes // Contemporary British Women Writers. — London : Palgrave Macmillan, 1993. — P. 161—187.
15. Kawamoto R. Crime and creativity: the anti-imagination novels of Muriel Spark / R. Kawamoto // Hitotsubashi Journal of Arts and Sciences. — 2008. — № 49. — P. 25—35.
16. McQuillan M. Theorizing Muriel Spark: Gender, Race, Deconstruction / M. McQuillan. — Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2002. — 245 p.
17. Miln D. Muriel Spark's crimes of wit / D. Miln // Edinburgh companion to M. Spark. — Edinburgh, 2010. — P. 110—121.
18. Ranger G. Tall, tall stories: identity and generic instability in Muriel Spark's *Aiding and Abetting* (2000) / G. Ranger // *Generic Instability and Identity in the Contemporary Novel*. — Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2010. — P. 117—129.
19. Shiloh I. The Double, the Labyrinth and the Locked Room. Metaphors of Paradox in Crime Fiction and Film / I. Shiloh. — New York : Peter Lang, 2011. — 186 p.
20. Slethaug G. E. The Play of the Double in Postmodern American Fiction / G. E. Slethaug. — Carbondale : Southern Illinois University Press, 1993. — 248 p.
21. *The Duality Phenomenon in 1920—1930's Small Prose of Vladimir Nabokov: Peculiarities of the Embodiment* / O. Y. Osmukhina, A. B. Tanaseichuk, S. P. Gudkova, M. A. Trostina // Journal of History Culture and Art Research. — 2019. — № 8 (1). — P. 183—195.

MATERIAL RESOURCES

Spark, M. (2004). *Redistribution. Companions and instigators*. Moscow. 366 p. Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=25504&p=1> (accessed: 28.04.2021). (In Russ.).

REFERENCES

- Agranovich, S. Z., Samorukova, I. V. (2014). Duality. In: *Myth as an object and/or a tool of interpretation: a collection of scientific articles*. Samara: Media-Kniga. (In Russ.).
- Apostolou, F. (2001). *Seduction and Death in Muriel Spark's Fiction*. Connecticut, Lnd : Greenwood Press. 121 p.
- Bakhtin, M. M. (1986). *Aesthetics of verbal creativity*. Moscow: Art. 445 p. (In Russ.).
- Berkovsky, N. Ya. (2001). *Romanticism in Germany*. St. Petersburg: Azbuka-classic. 512 p. (In Russ.).
- Dzhumailo, O. A. (2010). Duality of characters as a resource of postmodern confession: Martin Amis's novel "Information". *Bulletin of Perm University. Series. Russian and foreign philology*, 6: 163—171. (In Russ.).
- Fedyeva, T. A. (2004). *Dialogue and satire: on the material of Russian and Austrian satire of the first half of the 20th century*: Doct. Diss. Moscow. 335 p. (In Russ.).
- Freidenberg, O. M. (1997). *Poetics of plot and genre*. Moscow: Labyrinth. 448 p. (In Russ.).
- Gregson, I. (2005.). Muriel Spark's caricatural effects. *Essays in Criticism*, 55/1: 1—16.
- Hynes, J. (1993). The Art of the Real. Muriel Spark's novels. In: *Contemporary British Women Writers*. London : Palgrave Macmillan. 161—187.
- Kawamoto, R. (2008). Crime and creativity: the anti-imagination novels of Muriel Spark. *Hitotsubashi Journal of Arts and Sciences*, 49: 25—35.
- Konovalov, S. M. (2020). About satire. *ART LOGOS*, 2: 24—35. (In Russ.).
- Lunina, V. L. (2010). The theme of duality (based on the novel by Martin Amis "Success"). *Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N. I. Lobachevsky*, 4 (2): 883—885. (In Russ.).
- McQuillan, M. (2002). *Theorizing Muriel Spark: Gender, Race, Deconstruction*. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 245 p.
- Miln, D. (2010). Muriel Spark's crimes of wit. In: *Edinburgh companion to M. Spark*. Edinburgh. 110—121.
- Novikova, V. G. (2019). Binary archetype in the novel "Two brothers" by Ben Elton. *Scientific dialogue*: 11: 164—172. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-11-164-172. (In Russ.).
- Osmukhina, O. Y., Tanaseichuk, A. B, Gudkova, S. P, Trostina, M. A. (2019). The Duality Phenomenon in 1920—1930's Small Prose of Vladimir Nabokov: Peculiarities of the Embodiment. *Journal of History Culture and Art Research*, 8 (1): 183—195.
- Osmukhina, O. Yu. (2008). Mirror (specularity). In: *Knowledge. Understanding. Skill: 1 (2)*. Available at: [http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/1\(2\)/Osmukhina/](http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/1(2)/Osmukhina/) (accessed: 28.04.2021). (In Russ.).
- Ranger, G. (2010). Tall, tall stories: identity and generic instability in Muriel Spark's Aiding and Abetting (2000). In: *Generic Instability and Identity in the Contemporary Novel*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing. 117—129.
- Shiloh, I. (2011). *The Double, the Labyrinth and the Locked Room. Metaphors of Paradox in Crime Fiction and Film*. New York : Peter Lang. 186 p.
- Shlyannikova, M. V. (2005). *Genre evolution of M. Spark's novels*. PhD Diss. Kazan. 195 p. (In Russ.).
- Slethaug, G. E. (1993). *The Play of the Double in Postmodern American Fiction*. Carbondale: Southern Illinois University Press. 248 p.